

ВЕРА ИВАНОВА

Засекреченное
Счастье

*Посвящается Ромео
и Джульеттам наших дней*

ГЛАВА 1

— Ненавижу дачу, ненавижу эти грядки! — гневно бормотала худенькая светловолосая девочка, развалившись на заднем сиденье нового джипа цвета «металлик».

Врывавшийся в приоткрытое окошко ветер теребил мягкие локоны, выбившиеся из-под надетой задом наперед кепки. Прищуренные глаза, побелевшие веснушки и крепко сжатые кулачки — все выдавало ее недовольство. Впрочем, она и не думала его скрывать.

— Что я там делать буду? Мне нужно рисовать! — слова ее били в спину сидящего впереди водителя, однако тот казался совершенно невозмутимым.

Он внимательно следил за дорогой, словно не замечая плохого настроения своей спутницы. Его спокойствие еще больше бесило девочку — она пребывала в том смутном, переменчивом возрасте, когда куколка начинает превращаться в бабочку: подростковые угловатость и резкость уже почти

сменились нежной грацией, но гадкий утенок еще не привык к новому обличью и к тому, что вокруг, оказывается, нет никаких врагов и ни с кем не надо сражаться.

— Ты можешь рисовать и тут. Вокруг полно пейзажей! — Преодолев сложный участок, водитель наконец оторвался от дороги и ответил девочке.

— Пап! Ты что, издеваешься? Ну какие же это пейзажи! Это помойка! Кругом строительный мусор... — Насупленные брови отразились в зеркале заднего вида, и водитель вдруг отчетливо вспомнил, как и ему самому вот так же не хотелось в пятнадцать лет ехать в скучную, унылую деревню, где даже ночью снились прополотые грядки, а все веселье исчерпывалось бесконечными рассказами деда о далекой юности и хоровым пением окрестных старушек. А назойливые комары! А удобства во дворе! А тонны переколотых дров и вода из колонки! Если бы тогда ему кто-нибудь сказал, что он собственную дочь будет вот так же насильно выпихивать из душной московской квартиры «на природу», он бы рассмеялся тому в лицо...

Секундное воспоминание смягчило черты сурового лица, и только. Петр Васильевич Шестов, преуспевающий бизнесмен, не был склонен к сантиментам. Не любил

дачу. И ничего, вырос. И эта вырастет, куда ж ей деваться. У нее тут такие условия, что ему тогда, в юности, и не снились! Система «умный дом», все удобства и коммуникации, гостиная с камином и плоским телевизором последней модели, кухня со встроенной техникой, тренажерный зал, зона спа с джакузи и сауной, wi-fi... В конце концов, для кого же все затевалось — коттедж, участок... Для нее же все и делалось! Тут же воздух, природа! Разве сравнишь это с загазованностью на Кутузовском? Вон какая бледненькая, в чем только душа держится... Особенно после пандемии.

Так он и сказал ей, и больше уже не слушал ее возражения, целиком сосредоточившись на дороге. Ему не нравился какой-то необычный стук. Прибавляя газ, он каждый раз прислушивался, досадуя на бесконечную трескотню дочери. Вот он, конфликт поколений в чистом виде — она так занята своими проблемами, что совершенно не замечает ничего вокруг и не понимает, что у него тоже могут быть проблемы! Вместо того чтобы помочь, хотя бы морально, хотя бы просто поинтересоваться, чем он так озабочен, его уже совсем взрослая дочь дуется.

Приблизительно те же мысли одолевали и девочку. Отцы и дети — это две разные

цивилизации, просто абсолютно чуждые друг другу племена! Кому, кому она сейчас все это говорит, перед кем выворачивает душу? Он же ее совершенно не слушает! Ему же все по барабану, до лампочки!

Надувшись, девочка рывком головы скинула с кепки на глаза темные очки и замолчала. Мрачные мысли, обида, злость, недовольство — все смешалось, рождая черные, злые планы мести.

— Вы еще пожалеете, что привезли меня сюда! Ох, как пожалеете!

ГЛАВА 2

Дачная жизнь в пустом поселке, состоящем из громадных недостроенных особняков — скукотища, а дачная жизнь с бабушкой — скукотища вдвойне.

Юля (так зовут нашу героиню) уже представляла себе, как долго ей придется терпеть нотации и выслушивать нескончаемые наставления старушки. И грядки — бесконечные ряды длинющих грядок! Бабушка не могла себе представить, что это такое — участок без огорода.

Не то чтобы девочка не любила бабушку, нет, в городе она была всегда рада, когда та навещала их: сумасшедший, нервный ритм московской жизни сразу как-то успокаивался, в нем появлялась уравновешенность и умиротворенность; девочка любила ласку и заботу, которых ей не хватало от вечно занятых родителей и которые она с избытком получала от бабушки. Но одно дело — визит на день-два, пирожки и новые вареники, и совсем другое — перспектива провести под надзором целое лето!

А она так рассчитывала провести каникулы с друзьями, в своей «тусе», как любила выражаться Эмма, ее лучшая подруга и хозяйка самой подходящей для встреч квартиры. Самой подходящей не только потому, что родители Эммы работали целыми днями, а иногда и неделями не бывали дома, и девочка жила практически одна. А еще и потому, что эта была одна из тех милых, обшарпанных, нормальных человеческих квартир, где никто никогда не боится что-нибудь испачкать, разбить или сломать.

Что может быть лучше — в сумерках, не включая света, развалиться на продавленном диване и, потягивая газировку, часами трепаться под заунывный говор русского рока! Вопреки расхожему мнению, кайф этот случался нечасто, приходилось посещать школу и учить бесконечные уроки. А у Юли ко всем этим заботам прибавлялись занятия рисованием в художественной школе, так что из их компании она бывала на таких встречах реже всех. Поэтому она так рассчитывала на лето — вот тогда можно будет по-настоящему оттянуться!

И еще.

Этим летом она очень надеялась осуществить одну свою тайную мечту. Она хотела нарисовать на стене — сама, своими

руками! — настоящее большое граффити. Целый год она тренировалась на маленьких поверхностях — на воротах заброшенных гаражей, заборах, оставленных строителями, — и, как следует овладев техникой, хотела перейти к освоению больших пространств. Она даже уже выбрала подходящее место — в соседнем квартале, огромную стену дома под снос. Она была так аппетитна, что у Юли просто руки чесались расписать ее! А теперь парень, который учил ее весь год, сам займет эту стенку — не пропадать же такому добру!

И вот теперь все эти замечательные планы коту под хвост! Только из-за того, что отцу вдруг срочно понадобилось принимать дома иностранных партнеров, и дочку решили на это время выселить на дачу. Она, видите ли, давно не отдыхала и теперь может совместить приятное с полезным — подышать свежим воздухом и освободить от своего присутствия квартиру. Ну хоть бы кто-нибудь спросил ее мнения!

Джип подъехал к воротам, и отец несколько раз посигналил.

Металлические створки медленно раздвинулись, машина вкатила во двор, и Юля со злостью взглянула на место своего будущего заточения. С тех пор как особняк был достроен, она едва ли пару раз побывала тут:

девочка сразу же всей душой невзлюбила это место. Ей не нравилась распланированная ухоженность участка, какие-то неживые, слишком уж чистенькие и аккуратные газоны, ровно подстриженные кусты. Ей не нравился дом — огромный трехэтажный кирпичный коттедж в псевдорусском стиле. Будь у нее выбор, она бы предпочла обычную избу или уж дворец, что-нибудь более живое и привлекательное, чем эти невообразимо скучные хоромы.

Но больше всего ей не нравилось бабушкино детище — огромный огород, под который выделили всю левую, самую солнечную сторону. Бабушка даже надорвалась, вскапывая эти бесконечные грядки.

— Мама, зачем ты это делаешь! — укорял ее отец. — Зачем такие мучения! Мы что, не купим тебе редиски? Я тебе целую машину этих редисок пригоню, если уж так хочется!

— Хочется своего, сыночек, — качала головой бабушка, обматывая ноющую поясницу пуховым платком. — Чтобы свеженькое, с грядочки.

— За это свеженькое приходится слишком дорого платить, — бурчал отец, — если принять во внимание стоимость лекарств, которые понадобятся для твоего последующего лечения. Кому оно все будет нужно,

твое свеженькое, если ты на этих раскопках угробишь здоровье!

Бабушка только молча вздыхала и продолжала посевные работы до очередного приступа радикулита.

И вот теперь все эти сельхозработы должна взвалить на свои плечи Юля. Нет, конечно, впрямую никто ее не заставит, но ведь и так ясно, что она не сможет со спокойной совестью смотреть, как надрывается старушка!

Юля не торопилась вылезать из машины. Как будто это могло отсрочить неизбежное! Взгляд девочки скользил по грядкам, прикидывая объем будущих работ, и тут вдруг в поле зрения попала совершенно посторонняя фигура.

Какой-то парень, раздетый до пояса, поливал из шланга кустарник возле дома. Радужные брызги веером разлетались из-под пальцев, накрывая жесткие блестящие листики искристой жемчужной пылью. И то ли от этого фонтана, то ли оттого, что Юля в этот момент сняла очки, но только ей показалась, что угловатая мальчишеская фигурка светится. Сияло все: и выгоревшие, растрепанные вихры, и уже потемневшая от загара, покрытая мягкими белыми волосками спина, и глаза парня, когда, обернувшись, он встретился с девичьим взглядом, а

ослепительнее всего — белозубая улыбка, которой он поприветствовал незнакомку.

Несколько секунд Юля, почему-то покраснев до ушей, оторопело разглядывала новый предмет дачного «интерьера», после чего быстро надела очки и обратилась к отцу:

— Пап! Кто это?

— А? Что? — Отец суетился у багажника, выгружая многочисленные дочкины сумки.

— Кто это, пап? Вон тот, со шлангом!

— А! Разве мама тебе не рассказала? Это Роман. Он теперь у нас работает.

— То есть... он наш слуга, что ли?

— Не слуга, а помощник! — Отец захлопнул багажник и вместе с подскочившим парнем понес вещи в дом.

Старательно пряча взгляд за очками, Юля пристально разглядывала парня.

Какой верзила... Худющий! И лопатки выпирают... Вон, загривок весь выгорел... А руки крепкие, качается, наверное!

Парень выглядел довольным и веселым, и это почему-то привело Юлю в страшное раздражение.

Как смеет кто-то в этом гадком месте быть таким довольным!

Как смеет кто-то с таким удовольствием работать, когда она даже и думать не желает об этом мерзком огороде!

Как смеет кто-то смотреть на нее так... и улыбаться, когда ей плохо... и видеть, как она краснеет!

Вылезая из машины, девочка демонстративно хлопнула дверью. Она чувствовала, что одним врагом в этом мире у нее стало больше. У самого входа в дом она обернулась, чтобы выяснить, куда смотрит ее новый враг. Почему-то она почувствовала разочарование — он смотрел не на нее, а на только что покинутый ею джип.

